

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 177–208.  
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 177–208.

Дискуссионная статья

УДК 930.85

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-5>

EDN WKKCOQ

**Женская общественная деятельность:  
терминология и методология изучения женского движения  
в России во второй половине XIX – начале XX в.**

**Анастасия Юрьевна Федотова**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,  
Казань, Россия,  
stasi7886@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7115-7660>

**Anastasiya Yu. Fedotova**

Kazan Federal University,  
Kazan, Russia,  
stasi7886@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7115-7660>



**Аннотация.** В статье рассматривается историография женского движения в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. на предмет использования терминов применительно к данному историческому явлению, классификации женщин-участниц движения и методологии исследования. Основными источниками являются наиболее значимые публикации современных отечественных и иностранных ученых, занимающихся указанной проблематикой. На основе анализа представленной в тексте историографии можно сделать вывод, что в исторической ретроспективе при изучении женской общественной деятельности использовались такие термины, как *феминизм*, *эмансипация женщин*, *женский вопрос*, *суфражизм*, *женское движение*. На сегодняшний день наиболее часто употребляемым термином является *женское движение*, а методологией – теории социологии общественного движения. В вопросе классификации женщин-участниц нет устоявшегося деления. Существующий терминологический и методологический инструментарий не позволяют осмыслить разнообразие форм протекания социальных процессов и реальных феминистских стратегий в позднеимперский период. Для анализа проблемы женской активности второй половины XIX – начала XX в. предлагается использовать более широкие термины – *женская общественная деятельность*, *новая женщина*, а также концепции Ю. Хабермаса, Х. Арендт о публичной и приватной сферах и теорию И. Гофмана о гендерном дисплее. При этом «политизацию» публичной сферы для

© Федотова А.Ю., 2024

© Fedotova A., 2024

женской деятельности не политико-правового характера позволит произвести высказывание Кэрл Ханиш – «личное есть политическое». В этом ключе женская общественная деятельность будет «политическим» поступком в сфере публичной, поскольку происходит выход за рамки существующих патриархальных институтов и практик. В заключительной части статьи делаются выводы о том, что расширение терминологического и методологического аппарата за счет внедрения понятия *женская общественная деятельность* и применения теорий/концепций Ю. Хабермаса, Х. Арндт, И. Гофмана позволит заполнить лакуны региональной и общероссийской женской истории путем включения в историческую память женщин, вышедших из частной приватной сферы в публичное пространство и реализовавших себя через высшее образование, благотворительность, предпринимательство, получение профессий, считавшихся ранее сугубо мужскими.

**Ключевые слова:** женское движение, женская общественная деятельность, феминизм в Российской империи, вторая половина XIX – начало XX в., методология изучения женского движения, новые женщины, женщины нового типа, гендерный дисплей, социология общественных движений, публичная и приватная сферы

**Для цитирования:** Федотова А.Ю. Женская общественная деятельность: терминология и методология изучения женского движения в России во второй половине XIX – начале XX в. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 177–208. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-5>

### **Women's Social Activism: Terminology and Methodology for the Study of the Women's Movement in Russia in the Second Half of the 19<sup>th</sup> – Early 20<sup>th</sup> Century**

**Abstract.** The article deals with the historiography of the women's movement in the Russian Empire in the second half of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century. It addresses the terms related to this historical phenomenon, classification of women-members of the movement, and research methodology. The main sources are the publications of the most significant modern Russian and foreign researchers working on this range of problems. Based on the analysis of the historiography presented in the text, we can conclude that in historical retrospect, researchers used such terms as *feminism*, *women's emancipation*, *the woman question*, *suffragism*, and *women's movement*. Nowadays, the most commonly used term is *women's movement*. The most commonly used methodology rests upon the theories of social movement sociology. There is currently no well-established classification of female participants in social movements. The existing terminological and methodological tools do not allow us to comprehend the diversity of forms of social processes and real feminist strategies in the late imperial period. To analyze the problem of women's activism in the second half of the 19<sup>th</sup> and early 20<sup>th</sup> century, we suggest using broader terms *women's social activism* and *the new woman*, the concepts of J. Habermas and H. Arendt of the public and private spheres, and E. Goffman's theory of gender display. At the same time, the slogan "The Personal is Political" coined by Carol Hanisch allows us to make certain "politicization" of the public sphere for women's activism of a non-political and non-legal nature. In this regard, women's social activism will be a "political" act in the public sphere because it transcends the existing patriarchal institutions and practices. The final part of the article concludes that the expansion of terminological and methodological framework due to the introduction of the concept of women's social activism

and the application of theories/concepts of J. Habermas, H. Arendt, and E. Goffman will make it possible to fill the gaps of regional and all-Russian women's history by including in the historical memory those women who went out of the private sphere into the public space and fulfilled their potential through obtaining higher education, charity, entrepreneurship, and acquiring the professions that had been considered exclusively male earlier.

**Keywords:** women's movement, women's social activism, feminism in the Russian Empire, second half of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century, methodology for studying the women's movement, the new woman, gender display, sociology of social movements, public and private spheres

**For citation:** Fedotova, A.Yu. "Women's Social Activism: Terminology and Methodology for the Study of the Women's Movement in Russia in the Second Half of the 19<sup>th</sup> – Early 20<sup>th</sup> Century." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 177–208, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-5>

## Введение

Современная историография истории феминизма в России дореволюционного периода весьма обширна, при этом одной из основных ее проблем по-прежнему остается отсутствие единого понятийного аппарата. Вопрос наличия многочисленных терминов особенно актуален применительно к самому женскому движению, его периодизации и классификации участниц. Попытки периодизации женского движения в дореволюционный период не раз предпринимались в российских и зарубежных научных исследованиях. Среди современных ученых, изучающих российскую женскую общественную деятельность, следует назвать О.А. Хасбулатову, С.Г. Айвазову, И.И. Юкину, Н.Л. Пушкареву<sup>1</sup>, Р. Стайтс, Б. Пиетров-Эннкер и др.

## Основная часть

О.А. Хасбулатова делит женское движение в России на три периода: 1859–1895 гг. – появление «новых женщин», 1895–1906 гг. – политизация женского общественного движения, 1907–1914 гг. – становление массового движения. Кроме того, она выделяет следующие направления в женском движении: либерально-демократическое/реформистское, социал-демократическое, пролетарское и национал-патриотическое<sup>2</sup>.

Рассматривая женское движение в России, С.Г. Айвазова предлагает выделять следующие этапы: первый – дореволюционный либерально-

---

<sup>1</sup> Более полную историографию женского движения можно посмотреть в работах Н.Л. Пушкаревой. См. *Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии*. Москва: Ладомир, 2002; *Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание*. Санкт-Петербург: Алетейя, Женский проект СПб, 2007.

<sup>2</sup> *Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917)*. Иваново: Ивановский государственный университет, 1994.

демократический (1861–1917 гг.), второй – период социалистического строительства (1917–1985 гг.), третий – время перехода к рыночной экономике и демократическому правовому государству (1990-е гг.)<sup>3</sup>.

Н.Л. Пушкарева в статье «Дерзкие и беспокойные» подразделяет женское движение на период первой волны (1858–1905 гг.) и период зрелости (1905–1918 гг.). Понятия *новые женщины*, *феминистки*, *шестидесятницы* у нее фигурируют в качестве синонимов. По мнению исследовательницы, на рубеже веков на историческую арену выходят *равноправки*, *революционерки*. Среди последних называются *феминистки-либералки/либеральные равноправки* и *народоволки-террористки*, или *радикалки-нигилистки*<sup>4</sup>. В более поздней работе Н.Л. Пушкарева в пореформенной России вычленяет *феминизм различий* (либеральный) и *феминизм равенства* (социал-демократический). К основным требованиям *феминизма различий* исследовательница относит индивидуальные женские интересы, возможность получения образования и профессии, участие в общественной жизни, использование легальных способов оказания влияния на общество и государство, право выбирать и быть избранным. *Феминизм равенства*, по мнению Н.Л. Пушкаревой, настаивал на равном статусе людей разных полов, создании общества, справедливого для всех<sup>5</sup>.

Исследовательница А.А. Темкина отмечает возросшую женскую активность в анархистских и нигилистских направлениях общественного движения против крепостного права<sup>6</sup>.

И.И. Юкина, исходя из идеологии, делит женское движение на *женский* и *феминистский* этапы. Предложенная ею хронология совпадает с теми периодами, что выделила Н.Л. Пушкарева, но отличается от них по содержанию. На начальном этапе (1858–1905 гг.) оно «не продуцировало» идеологических установок, поэтому получило название «женское движение», а затем, обосновав женские требования гражданских прав и приобретя таким образом идеологию, перешло на следующий этап, став «феминистским движением» (1905–1918 гг.)<sup>7</sup>. Исследовательница считает, что политическая

<sup>3</sup> Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). Москва: РИК Русанова, 1998.

<sup>4</sup> Пушкарева Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801–1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 61–62.

<sup>5</sup> Пушкарева Н.Л., Пушкарева И.М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 20.

<sup>6</sup> Темкина А.А. Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерная реконструкция политических систем / составители Н.М. Степанов, Е.В. Кочкина. Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. С. 45.

<sup>7</sup> Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. С. 8.

активность женщин имела «три русла протеста». *Нигилистки* не создавали никаких организаций, акцент делался на личной эмансипации и индивидуальных действиях (чтение книг, дискуссии в узком кругу, домашние лекции и проживание в коммунах)<sup>8</sup>. *Новые женщины*, или *шестидесятницы* обратились к решению социальных проблем, в том числе к помощи женщинам, путем создания общественных организаций. Молодые женщины 1870–1880-х гг., которые по разным причинам отказывались от пути, предлагаемого шестидесятницами, выбирали «нетрадиционную женскую самореализацию». К последней И.И. Юкина относит радикальное освободительное движение, называя его последовательниц *радикалками*. По своему социальному происхождению они, как и новые женщины, были преимущественно дворянками<sup>9</sup>.

Среди иностранных авторов, работающих в этом направлении, следует назвать Р. Стайтса и Б. Пиетров-Эннкер. Книга Р. Стайтса «Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930» вышла в 1978 г., а в 1991 г. была переиздана с дополнениями. На русском языке книга увидела свет только в 2007 г. По мнению автора, в дореволюционной России женское движение формировали феминистский, нигилистский и радикальный отклики. Взгляды феминисток носили либеральный характер, а целью их деятельности было постепенное и мирное реформирование статуса женщины в российском обществе, особенно ее экономического положения и образования. На раннем этапе единственной доступной формой деятельности для женщин была благотворительность<sup>10</sup>. Нигилистки настаивали на личной эмансипации. При этом они желали изменить мир, но не обязательно политическими способами. Радикалки 1870-х гг. пришли в общественное движение не ради решения женского вопроса, а ради народного дела в целом. Лучшими качествами революционерок/радикалок этого времени были скромность, сочувствие к угнетенным, ненависть к угнетателям, стоицизм. К началу XX в. в России осталось два направления женского движения – феминистское и социалистическое<sup>11</sup>.

Книга Б. Пиетров-Эннкер ««Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции» вышла в свет в 1999 г., а ее

<sup>8</sup> Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 132.

<sup>9</sup> Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С.137–139, 140–141.

<sup>10</sup> Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / перевод с английского И.А. Школьников, О.В. Шныровой. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 103.

<sup>11</sup> Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. С. 184, 189, 226.

русский перевод появился в 2005 г. В ней автор указывает, что в нигилистическом движении большую притягательную силу обрел идеал свободного, равного и дееспособного гражданина. Данная модель подтолкнула женщин к развитию личных способностей путем образования и участия в общественной жизни подобно мужчинам. В женском движении начала формироваться такая группа, как *новые женщины*. Их взгляды на равные права с мужчинами в области образования и профессиональной деятельности Б. Пиетров-Эннкер оценивает как радикальные. В то же время пути достижения этих целей носили реформистский характер<sup>12</sup>. Первые возможности для женщин беспрепятственно действовать в сфере общественной жизни возникли на основе традиционной женской благотворительности. В последующем она эволюционировала от помощи маргинальным группам к созданию обществ по защите социально-политических интересов с целью давления на правительство, чтобы последнее провело давно назревшие реформы<sup>13</sup>. Таким образом, по мнению исследовательницы, в конце XIX в. произошел переход от социально направленной феминистской деятельности к ее политизации, которая выразилась в борьбе за женское равноправие. Б. Пиетров-Эннкер указывает, что в начале XX в. пролетарское женское движение появляется и в России, однако автор оценивает его как слабое<sup>14</sup>.

Рассматривая вопрос терминологии, интересно обратиться к работе И.И. Юкиной «Русский феминизм как вызов современности». Исследовательница указывает на несколько понятий, которые в исторической ретроспективе применялись к женскому движению в России в XIX – начале XX в. Основными из них являлись *женский вопрос*, *эмансипация женщин*, *женское движение*. В XIX в. женский вопрос включал в себя ряд требований, от «свободы женского сердца» в духе Жорж Санд, проблем женского воспитания и образования до осознания социальной значимости женщин для общества. В начале XX в. в российском общественно-политическом сознании термин *женский вопрос* был переосмыслен с точки зрения марксизма. Его стали понимать как привлечение женщин к политической революционной борьбе, трудовой деятельности. По новой логике решение женского вопроса должно было произойти естественным путем после установления социалистического строя<sup>15</sup>.

<sup>12</sup> Пиетров-Эннкер Б. «“Новые люди” России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / перевод с немецкого Ю.П. Шаттона. Москва: РГГУ, 2005. С. 302, 305.

<sup>13</sup> Пиетров-Эннкер Б. «“Новые люди” России. С. 264–265.

<sup>14</sup> Пиетров-Эннкер Б. «“Новые люди” России. С. 278, 283, 287.

<sup>15</sup> Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 31–32.

Понятие *женский вопрос* часто использовалось в качестве синонимичного понятию *женское движение*. Для участниц и свидетельниц становления женского движения в XIX в. оно мыслилось как способ решения женского вопроса усилиями женщин, что объединяло эти понятия. А.П. Философова в начале XX в. ставила в один ряд такие понятия, как *женский вопрос*, *женское движение* и *феминизм*. В целом движение понималось как некие целенаправленные действия женщин, самостоятельно организовавшихся в разного рода женские общества, для решения неких экономических, политических проблем женщин. Главное отличие *женского вопроса* от *женского движения* заключалось в том, что инициатором решения женского вопроса выступали мужчины, а в основе женского движения лежала самостоятельность женщин в деле отстаивания своих прав. Еще одним синонимом *женского движения* являлся термин *эмансипация женщин*, который появился в середине XIX в. и обозначал движение женщин за освобождение от зависимости и ограничений по признаку пола, стремление к правовому равенству полов<sup>16</sup>.

Историки советского периода не стремились к осознанию терминологических нюансов понятия *женское движение*, понимая под ним как любое участие женщин в политической деятельности/политике (особенно в освободительном движении), так и деятельность женщин в самостоятельных женских организациях, вызванную особенностями их экономического и политического положения<sup>17</sup>.

В ранней советской историографии *феминизм* определялся как буржуазное движение, в ходе которого женщины стремились к обособленной борьбе за равноправие с мужчинами при сохранении капиталистического строя. В позднесоветское время это движение считалось антимужским, не характерным для России<sup>18</sup>.

<sup>16</sup> Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 33–34.

<sup>17</sup> Цит. по: Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 35.

<sup>18</sup> См. Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. Санкт-Петербург: Знание, 1909; Сердитова С.Н. Борьба коммунистической партии за вовлечение работниц в революционное движение (1903 г. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет, 1954; Сердитова С.Н. Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 г. – февраль 1917 г.). Москва: Госполитиздат, 1959; Тишкин Г.А. Женский вопрос в России: 50–60-е годы XIX века. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1984; Тишкин Г.А. Женский вопрос в истории России // Феминизм и российская культура / под редакцией Г.А. Тишкина. Санкт-Петербург: Международный институт «Женщина и управление», Петербургская государственная академия культуры, 1995. С. 138–164; Цит. по: Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 37.

По мнению А.А. Темкиной, в конце XIX – начале XX в. феминизм в России проявлялся лишь в работе обществ взаимной помощи, в благотворительности и образовательной деятельности. Борьба за избирательные права, женская активность в социал-демократической работе в качестве форм женского движения появились в нем в 1905–1918 гг.<sup>19</sup>

Женское движение в России исследовательница В.И. Успенская в своих публикациях называет *суфражизмом*, или *феминистским движением*. *Феминистки* и *равноправки* у указанного автора выступают синонимами и означают женщин, боровшихся сначала за доступ к высшему образованию и профессиональному труду, а в последующем – за политические права<sup>20</sup>.

В первых постсоветских работах женское движение рассматривалось как способ противостояния женщин в лице женских организаций власти, а сами организации – как организационная структура движения<sup>21</sup>. Термин *женское движение* употреблялся в широком смысле, в него включалась не только деятельность феминистских организаций, осознанно работавших над изменением традиционной культуры русского общества, но и женских организаций, реализовывавших возможности женщин в рамках традиционной культуры<sup>22</sup>.

С утверждением термина *женское движение* в современной историографии начала распространяться новая методология, направленная на исследование социальных движений. С этих позиций женское движение анализируется в качестве конфликтного взаимодействия между властью и представителями социальных групп, изучаются также структуры и механизмы этого взаимодействия<sup>23</sup>. К теоретическим проблемам изучения общественных движений в западной социологии обратилась Е.А. Здравомыслова. В рамках теорий «коллективного поведения» и «массового общества», сформулированных Э. Фроммом, У. Корнхаузером, Г. Блюмером, С. Липсет и другими исследователями, общественные движения рассматриваются ею как один из типов коллективного поведения. Теория мобилизации ресурсов предполагает изучение движения в качестве специфического вида организации, имеющей внутренние и внешние факторы и ресурсы развития. В заключении к статье Е.А. Здравомыслова отмечает, что только совокупность моделей

<sup>19</sup> Темкина А.А. Женское движение как общественное движение: история и теория. С. 45.

<sup>20</sup> Успенская В.И. Суфражизм в истории феминистского движения // Гендерная реконструкция политических систем / составители Н.М. Степанова, Е.В. Кочкина. Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. С. 80–81.

<sup>21</sup> Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 37.

<sup>22</sup> Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 9.

<sup>23</sup> Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 13.



описания движений может дать полную картину причин их развития, механизмов формирования, результатов деятельности в социально-культурном контексте общества<sup>24</sup>.

А.А. Темкина в социологии общественных движений также придерживается трех парадигм (коллективного действия, мобилизации ресурсов, новых социальных движений). Исследовательница применяет данный подход при изучении женского движения второй волны. Каждая из теорий дает свое определение женскому движению. С одной стороны, трактовки сводят движение к новой автономной деятельности. С другой стороны, данное понятие вбирает в себя большой диапазон женской деятельности в партиях, профсоюзах, общественных институтах или других социальных движениях. В женское движение включается деятельность, носящая феминистский характер, при этом она автономна, независима от политических и смешанных по признаку пола организаций. В то же время к женскому движению, по мнению указанной исследовательницы, можно отнести

различные исторические и современные проявления женской активности, социальных потребностей и усилий в области феминизма и политики, касающейся женщин. Исследование женского движения тогда будет включать разнообразные организации и сети, такие, как женские профсоюзы, женские политические организации внутри и вне политических партий, благотворительные и религиозные организации<sup>25</sup>.

В работе «Женское движение как общественное движение: история и теория» А.А. Темкина расширяет хронологию и географию изучения движения. В поле ее интереса попадает женское движение первой и второй волны в США и странах Европы, в том числе в России. При этом акцент в первую очередь делается на анализе западного женского движения второй волны<sup>26</sup>.

Применительно к российскому женскому движению социологические теории общественного движения использовала И.И. Юкина. Теория коллективных действий, или мобилизации ресурсов обращается к организации, коллективным действиям. В таком понимании женское движение становится нормой социальной жизни общества, движущей силой прогресса. Подход социальных

---

<sup>24</sup> Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 88, 91, 93.

<sup>25</sup> Цит. по: Темкина А.А. Женское движение второй волны: истоки, концептуализация и результаты // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. Ч. 1. Учебное пособие / под редакцией И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетей, 2001. С. 664, 671.

<sup>26</sup> Темкина А.А. Женское движение как общественное движение: история и теория. С. 41–76.

движений, или идентичности акцентирует внимание на поиске и обретении участниками движения новых идентичностей, ориентирующих на новые ценности. И.И. Юкина использует все три подхода, аргументируя это принципом взаимодополняемости различных научных парадигм, которые в результате дают более сложную и полноценную картину исторического явления<sup>27</sup>.

На рубеже XX–XXI вв., несмотря на циркуляцию в научной литературе различных терминов, определяющих женскую общественную деятельность, в российской историографии закрепляется понятие *женское движение*. Оно может рассматриваться как деятельность, независимая от политических организаций, или как различные исторические проявления женской активности, однако, в конечном итоге практически все авторы позиционируют его как борьбу женщин за свои права во всех сферах жизни общества<sup>28</sup>. Женское движение приобретает политический и институциональный характер. Однако, само понятие *женское движение* и существующая методология исследования социальных движений не позволяют осмыслить разнообразие форм протекания социальных процессов и реальных феминистских стратегий позднеимперского периода, что в свою очередь не облегчает работу исследователей в сфере классификации конкретно-исторических личностей женского движения второй половины XIX – начала XX в.

Вместе с тем в историографию возвращается понятие *новые женщины / новый тип женщин / женщины нового типа*<sup>29</sup>. Как отмечает И.И. Юкина, так называли себя шестидесятницы, то есть те женщины, которые начали свою деятельность в 1860-е годы. В их случае *новая женщина* – та, которая, оставив предрассудки, переняла передовые идеи своего времени, начала отстаивать свое

<sup>27</sup> Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 14, 24.

<sup>28</sup> Петров А.В., Кокорева Ю.В. Возникновение женского общественно-политического движения в России и его роль в становлении правового статуса женщин в дореволюционный период // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 213.

<sup>29</sup> Юкина И.И. «Новые» женщины: мотивы участия в женском движении // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2001 г.) / составитель Г.А. Тишкин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 118–126; Добрынина А.М., Котлова Т.Б., Яковлева И.И. Ценностный подход в конкретно-исторических исследованиях (к вопросу о формировании нового типа женщины в России на рубеже XIX–XX веков) // Женщина в российском обществе. 2005. № 1–2. С. 11–25; Меньшикова Е.Н., Семенов М.Ю. Конструирование репрезентативного образа женщины «нового типа» конца XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2. С. 117–131.

человеческое достоинство и самостоятельно устраивать свою личную жизнь<sup>30</sup>. При этом сама И.И. Юкина дает следующее определение *новой женщины*: самостоятельная, образованная женщина, ориентированная на деятельность в публичной сфере<sup>31</sup>. Т.Б. Котлова, А.М. Добрынина, И.И. Яковлева в своей статье останавливаются на общественно-исторических условиях формирования нового типа женщин. Исследовательницы приходят к выводу, что для последних были характерны такие ценностные ориентации, как образование, профессиональный труд и общественная деятельность<sup>32</sup>. По мнению Е.Н. Меньшиковой и М.Ю. Семенова, термин *женщина нового типа*, включая в себя политизированную, правовую, психологическую характеристики, отражает процесс изменения самосознания женщины на пути к свободе творческой реализации в различных сферах жизни общества<sup>33</sup>.

На наш взгляд, наиболее подходящим термином для определения женщин второй половины XIX – начала XX в. является именно термин *новая женщина* (т.е. женщина, ориентированная на общественную деятельность в публичной сфере), при этом и само *женское движение* следует рассматривать шире – как *женскую общественную деятельность*, выводя при анализе указанного периода на передний план методологию частной и общественной/публичной сферы.

Трансформация публичной сферы была описана немецким философом Юргеном Хабермасом на примере стран Европы в период Нового времени. Суть процесса, в понимании автора, состояла в том, что с увеличением частных интересов граждане переходят в новое качество, превращаясь из «контрагента власти» в ее «полноправного партнера-оппонента», который начинает активно действовать и становится «политическим субъектом». Ханна Арендт в своей теории использует понятие «публичное пространство» в значении политической сферы общественной активности<sup>34</sup>.

Модель буржуазной публичной сферы подразумевала строгое разделение пространства на публичное и частное. Публичная сфера являлась ареной

<sup>30</sup> Цит. по: Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 128.

<sup>31</sup> Юкина И.И. «Новые» женщины: мотивы участия в женском движении. С. 118.

<sup>32</sup> Добрынина А.М., Котлова Т.Б., Яковлева И.И. Ценностный подход в конкретно-исторических исследованиях. С. 25.

<sup>33</sup> Меньшикова Е.Н., Семенов М.Ю. Конструирование репрезентативного образа женщины «нового типа» конца XIX – начала XX века. С. 122.

<sup>34</sup> Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. P. 27–73; Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / перевод с немецкого и английского В.В. Библихина. Санкт-Петербург: Алетей, 2000. С. 65–76.

общественных дебатов и дискуссий, состоящей из множества формальных и неформальных мест. С точки зрения Ю. Хабермаса, в публичной сфере в ходе общественных дебатов обсуждались вопросы, представлявшие общий интерес, и формулировались мнения, необходимые для эффективного демократического процесса. При этом публичная сфера формировалась путем исключения из нее определенных социальных групп – женщин, этнических меньшинств и людей, не владевших собственностью. По сути, она была ограниченной, однако существование понятия «публичная сфера» позволяло представителям среднего класса воспринимать себя и свою роль как выражение универсального<sup>35</sup>. Изначально публичная сфера принимала литературную форму<sup>36</sup> в широком смысле этого слова. А.С. Туманова отмечает, что в Российской империи вплоть до Первой русской революции публичная сфера состояла преимущественно из неполитических институтов: кружков и клубов по интересам, книг и печати, частных обществ и общественного мнения, органов земского и городского самоуправления<sup>37</sup>. В дальнейшем она перешагнула границы читающей (в том числе и женской) публики и взяла на себя политические функции.

Малая патриархальная семья являлась ядром частной сферы буржуазного общества<sup>38</sup>. Начиная с древних греков, складывалось классическое понимание приватной области в виде домохозяйства. Женщины во все времена относились к приватной / частной сфере, и уже это лишало их возможности участия в политической жизни. При этом исключение женщин из публичной сферы оправдывалось тем, что они ввиду естественных причин якобы просто неспособны переступить пределы приватной сферы. Взяв на вооружение высказывание Кэрол Ханиш – «личное есть политическое», феминистки на первый план выдвинули проблему взаимодействия между публичной и приватной сферами<sup>39</sup>.

---

<sup>35</sup> Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / перевод с английского Е. Рождественской, С. Гавриленко. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. С. 237–239.

<sup>36</sup> Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / перевод с немецкого В.В. Иванова. Москва: Весь мир, 2016. С. 80.

<sup>37</sup> Туманова А.С. Публичное пространство России в 1906–1916 гг.: направления эволюции и формы коммуникации // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / под редакцией А.И. Миллера, К.А. Соловьева. Москва: Квадрига, 2021. С. 203–204.

<sup>38</sup> Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. С. 16.

<sup>39</sup> Чикалова И. Гендерная проблематика в политических науках // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. Ч. 1. Учебное пособие / под редакцией И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 83–84, 86–87.

Понятие *политика* радикальными феминистками в середине XX в. трактовалось предельно широко – как любые действия, направленные на трансформацию традиционного общества<sup>40</sup>. Следовательно, женскую общественную деятельность можно рассматривать как политический поступок в сфере публичной, поскольку происходит выход за рамки существующих патриархальных институтов и практик, преодоление стереотипов традиционного общества.

Внешним проявлением внутренних изменений стали поведение и одежда новых женщин, которую они выбирали для выхода в публичную сферу и через которую хотели донести информацию о своих взглядах. Для анализа нового типа поведения следует прибегнуть к понятию «гендерный дисплей», сформулированному И. Гофманом<sup>41</sup>. В «Словаре гендерных терминов» написано, что гендерный дисплей – это вариант дисплея идентичности, социально обусловленное многообразие проявления половой принадлежности на уровне межличностного общения; основной механизм создания гендера в процессе взаимодействия лицом к лицу. Гендерный дисплей может транслироваться через устойчивое в обществе телесное проявление, символику, стиль и содержание общения<sup>42</sup>. «Гендерную атрибутику» (одежда, прическа, украшения и движения) новых женщин описывает в своей статье М.В. Рабжаева<sup>43</sup>. Она отмечает «намеренное упрощение» их одежды и причесок, которые должны были соответствовать образу трудящегося человека. Не ссылаясь напрямую на теорию И. Гофмана, ряд авторов<sup>44</sup> также обращает внимание на внешний вид женщин нового типа. Т.А. Сабурова и Б. Эклоф на

<sup>40</sup> Цит. по: Чикалова И. Гендерная проблематика в политических науках. С. 89–90.

<sup>41</sup> Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под редакцией С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 311, 330.

<sup>42</sup> Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Гендерный дисплей // Словарь гендерных терминов. URL: <http://www.owl.ru/gender/046.htm?ysclid=lpayyf8kak117929770> (дата обращения: 12.03.2023).

<sup>43</sup> Рабжаева М.В. Женская эмансипация в России: эксперименты по гендерному конструированию // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2001 г.) / составитель Г.А. Тишкин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 26–29.

<sup>44</sup> См., например: Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 139; Федотова А.Ю. Женщина «нового типа» в Казанской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Баков А.А., Глушкова С.И., Еланцева О.П. и др. Женщина и государство. Историко-политические и социально-правовые измерения взаимоотношений (проблемный подход). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 221.

примере участниц народнического движения изучили женский облик, способы самопрезентации, а также мужской взгляд на женскую внешность, посвятив этим темам целую главу в своей монографии «Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов». Авторы пишут, что

женщины символически, через костюм, демонстрировали свое право выбора внешнего облика (платье, прическа, обувь, очки), сделав одежду одним из средств борьбы за равноправие. Смена костюма была одним из проявлений эмансипации, возможность выразить свои убеждения, но также означала и изменения в образе жизни (роскошные наряды выглядели бы не только неуместно в университетской аудитории, но были бы совсем неудобны для работы в лабораториях или клиниках)<sup>45</sup>.

### Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что понятийный аппарат на данном этапе развития историографии женского движения нельзя считать устоявшимся. Поиск наиболее адекватных терминологических и методологических средств для анализа проблемы женской активности второй половины XIX – начала XX в. продолжается. Введение понятия *женская общественная деятельность* и расширение методологического инструментария за счет использования концепции частной/приватной и публичной сферы, гендерного дисплея помогут в заполнении лакун как региональной, так и общероссийской женской истории, обогатят ее новыми именами. При изучении женщин пореформенного периода в поле зрения исследователей будут попадать не только женщины и женские организации, которые боролись за равноправие во второй половине XIX в. и за политические права в начале XX в., составившие костяк так называемого женского движения, не только женщины-радикалки, участницы народничества и в последующем рабочего социалистического движения, но и все остальные женщины, вышедшие из частной приватной сферы в публичное пространство путем преодоления гендерных стереотипов традиционного общества Российской империи. Они реализовывали себя через новые социальные практики – получение высшего образования, работу в профессиональных сферах, считавшихся ранее сугубо мужскими (попечительницы учебных и благотворительных организаций, акушерки и врачи, адвокаты, переводчицы, журналистки, редакторы, издатели, библиотекари и др.), благотворительность (как частное лицо и в качестве

---

<sup>45</sup> Сабурова Т., Эклоф Б. Дружба, семья, революция. Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. С. 88–89.

организаторов благотворительных организаций, в том числе дамских комитетов), предпринимательство.

Безусловно, при этом не стоит отказываться от понятия *женское движение*, которое, сохраняя свой политико-правовой окрас, может использоваться для характеристики одного из направлений женской общественной деятельности данного периода.



## Introduction

Contemporary historiography of the history of feminism in Russia in the pre-revolutionary period is quite extensive, but one of its main problems is connected with the lack of a unified conceptual system that would be used by researchers working on the subject. The issue of multiple terms is particularly relevant in relation to the women's movement, its periodization, and classification of its participants. Numerous attempts to periodize women's movement of the pre-revolutionary period have been made in both Russian and foreign research. Among contemporary historians studying social activism of Russian women, one should mention O. Khasbulatova, S. Aivazova, I. Yukina, N. Pushkareva,<sup>1</sup> R. Stites, B. Pietrow-Ennker, and others.

## Main Body

O. Khasbulatova divides the women's movement in Russia into three periods: (1) 1859–95, the emergence of the “new women”; (2) 1895–1906, the politicization of the women's social movement; (3) 1907–14, the making of the mass movement. In addition, she identifies the following trends in the women's movement: liberal-democratic/reformist, social-democratic, proletarian, and national-patriotic.<sup>2</sup>

Considering the women's movement in Russia, S. Aivazova proposes to distinguish the following stages: (1) the pre-revolutionary liberal-democratic period (1861–1917); (2) the period of socialist construction (1917–85); (3) the period of transition to a market economy and democratic rule of law (the 1990s).<sup>3</sup>

In her article “The ‘Daring and Agitated’,” N. Pushkareva divides the women's movement into the period of the first wave (1858–1905) and the period of maturity (1905–18). She uses such terms as *new women*, *feminists*, and *women of the 1860s* as synonyms. In the researcher's opinion, *ravnopravki* [female fighters for equal rights] and *revolutsionerki* [revolutionary women] entered the historical arena at the late 1890s – early 1900s. Among the latter were also *feministki-liberal'nye* / *liberal'nye ravnopravki* [female liberal feminists/liberal female fighters for equal rights] and *naradovolki-terroristki* [female terrorists of Narodnaya Volya] and *radikalki-*

---

<sup>1</sup> A more complete historiography of the women's movement can be found in the works by N. Pushkareva. See N.L. Pushkareva, *The Russian Woman: History and Modernity: A History of the Study of the “Woman's Question” in Russian and Foreign Scholarship. 1800–2000: Materials for a Bibliography* [in Russian] (Moscow: Ladomir, 2002); N.L. Pushkareva, *Gender Theory and Historical Knowledge* [in Russian] (St Petersburg: Aleteiya, Zhenskii proekt SPb, 2007).

<sup>2</sup> O.A. Khasbulatova, *Experience and Traditions of the Women's Movement in Russia (1860–1917)* [in Russian] (Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 1994).

<sup>3</sup> S.G. Aivazova, *Russian Women in the Labyrinth of Equality (Essays on Political Theory and History)* [in Russian] (Moscow: RIK Rusanova, 1998).



*nigilistski* [female radical nihilists].<sup>4</sup> In her later work, N. Pushkareva distinguishes *the feminism of difference* (liberal feminism) and *the feminism of equality* (social-democratic feminism) in post-reform Russia. According to the researcher, the main demands of *the feminism of difference* include individual women's interests, an opportunity of obtaining education or profession, participation in public life, use of legal ways to influence society and the state, the right to elect and be elected. The *feminism of equality*, according to N. Pushkareva, insisted on the equal status of people of different sexes and the creation of a society that is fair to all.<sup>5</sup>

Researcher A. Temkina also notes the increased female activity in the anarchist and nihilist directions of the social movement against serfdom.<sup>6</sup>

Based on its ideology, I. Yukina divides the women's movement into a *women's period* and a *feminist period*. The chronology proposed by her coincides with the periods that were identified by N. Pushkareva but differs from them in content. At the initial stage (1858–1905) it “did not produce” ideological settings, so it received the name “the women's movement.” Having substantiated women's demands for civil rights and thus having acquired new ideology, it moved to the next stage and became “the feminist movement” (1905–18).<sup>7</sup> The researcher believes that women's political activism had “three directions of protest.” *Female nihilists* did not establish any new organizations; the emphasis was placed on personal emancipation and individual actions (reading books, discussions in a small circle, home lectures, and living in communes).<sup>8</sup> The *new women*, or *women of the 1860s*, turned to solving social problems, which also included their help to women by founding social organizations. Young women of the 1870s–80s, who refused to follow the way offered by their predecessors in the 1860s for various reasons, chose “non-traditional female self-realization.” I. Yukina refers to the latter as the radical liberation movement, calling its followers *radikalki* [female radicals]. In terms of their social background, like the new women, they mainly came from the nobility.<sup>9</sup>

Among foreign authors working in this area, we should particularly mention R. Stites and B. Pietrow-Ennker. The book by R. Stites *Women's Liberation*

---

<sup>4</sup> N.L. Pushkareva, “The ‘Daring and Agitated’ (the ‘Women's History’ of Russia in 1801–1905: The Forms of Social Activity)” [in Russian], *Otechestvennaya istoriya*, no. 6 (2002): 61–62.

<sup>5</sup> N.L. Pushkareva, and I.M. Pushkareva, “Two centuries of Women's Movement in Russia and its Current State” [in Russian], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2 (2021): 20.

<sup>6</sup> A.A. Temkina, “Women's Movement as a Social Movement: History and Theory” [in Russian], in *Gender Reconstruction of Political Systems*, comp. N.M. Stepanov, and E.V. Kochkina (St Petersburg: Aleteiya, 2004), 45.

<sup>7</sup> I.I. Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity* [in Russian] (St Petersburg: Aleteiya, 2007), 8.

<sup>8</sup> Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 132.

<sup>9</sup> Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 137–39, 140–41.

*Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930* was published in 1978, and in 1991 its expanded edition appeared. The book was translated and published in Russian only in 2007. According to the author, in pre-revolutionary Russia, the women's movement was shaped by feminist, nihilist and radical responses. The views of the feminists were liberal in nature, and their aim was to gradually and peacefully reform the status of women in Russian society, especially their economic status and education. At an early stage, charity was the only form of activity available to women.<sup>10</sup> Female nihilists insisted on personal emancipation. In doing so, they desired to change the world, but not necessarily through political means. Female radicals of the 1870s joined the social movement for the people's cause in general rather than for the solution of the women's question. Among the best qualities of revolutionary/radical women of that time were modesty, sympathy for the oppressed, hatred of oppressors, and stoicism. By the beginning of the 20<sup>th</sup> century, two directions of the women's movement had remained in Russia, the feminist and socialist ones.<sup>11</sup>

The book by B. Pietrow-Ennker *Russlands Neue Menschen: Die Entwicklung Der Frauenbewegung Von Den Anfängen Bis Zur Oktoberrevolution* [Russia's "New People". Development of the Women's Movement from Its Origins to the October Revolution] was published in 1999, and its Russian translation appeared in 2005. In this work, the author points out that the model of a free, equal, and capable citizen gained great appeal in the nihilist movement. This model encouraged women to develop their personal capacities through education and participation in public life like men. In the women's movement, a group called *the new women* began to take shape. Pietrow-Ennker considers their views on equal rights with men in education and professional activities as radical. At the same time, the ways to achieve these goals were reformist in nature.<sup>12</sup> The first opportunities for women to act freely in the sphere of public life arose on the basis of traditional women's charity. Later, such work evolved from helping marginalized groups to establishing socio-political advocacy societies to pressure the government and to implement long overdue reforms.<sup>13</sup> Thus, according to the researcher, at the end of the 19<sup>th</sup> century, there was a transition from socially directed feminist activity to its politicization, which was

---

<sup>10</sup> R. Stites, *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930* [in Russian], trans. I.A. Shkolnikov, and O.V. Shnyrova (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004), 103.

<sup>11</sup> Stites, *The Women's Liberation Movement in Russia*, 184, 189, 226.

<sup>12</sup> B. Pietrow-Ennker, *Russia's "New People". Development of the Women's Movement from Its Origins to the October Revolution* [in Russian], trans. Yu.P. Shatton (Moscow: RGGU, 2005), 302, 305.

<sup>13</sup> Pietrow-Ennker, *Russia's "New People"*, 264–65.

expressed in the struggle for women's equality. In her work, B. Pietrow-Ennker points out that the proletarian women's movement appeared in Russia already in the early 20<sup>th</sup> century but assesses it as weak.<sup>14</sup>

When considering the issue of terminology, it is interesting to refer to I. Yukina's work *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge to Modernity]. The researcher points out several concepts that could also be applied to the women's movement in Russia in the 19<sup>th</sup> and early 20<sup>th</sup> centuries in historical retrospect. The most significant of them were *the woman question*, *women's emancipation*, and *women's movement*. In the 19<sup>th</sup> century, the woman question included a number of demands, from the freedom "of a woman's heart" in the spirit of George Sand and the problems of women's upbringing and education, to the comprehension of social importance of women for society. In the early 20<sup>th</sup> century, Russian social and political consciousness reinterpreted the term *the woman question* from the point of view of Marxism. It began to be understood as the involvement of women in the political revolutionary struggle and labor activity. According to the new logic, the solution to the woman question should occur naturally after the establishment of the socialist system.<sup>15</sup>

The term *the woman question* was often used synonymously with the term *women's movement*. For the participants in and witnesses of the formation of the women's movement in the 19<sup>th</sup> century, it was thought of as a way of solving the woman question through the efforts of women and with their own hands, which in fact united these concepts. In the early 20<sup>th</sup> century, A. Filosofova put such concepts as *the woman question*, *women's movement*, and *feminism* in the same row. In general, the movement was understood as some purposeful actions of women who independently organized themselves into various kinds of women's societies in order to solve some economic and political problems of women. The main difference between *the woman question* and *women's movement* was that men initiated the solution of the woman question, while the women's movement was based on women's independence in defending their own rights. Another synonym for *women's movement* was the term *women's emancipation*, which appeared in the mid-19<sup>th</sup> century and denoted the movement of women for liberation from dependence and restrictions on the basis of sex and aspiration to legal equality of the sexes.<sup>16</sup>

Historians of the Soviet period did not seek to understand the terminological nuances of the concept *women's movement*, interpreting it as any form of

---

<sup>14</sup> Pietrow-Ennker, *Russia's "New People"*, 278, 283, 287.

<sup>15</sup> Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 31–32.

<sup>16</sup> Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 33–34.

participation of women in political activity/politics (especially in the liberation movement) as well as the activities of women in amateur women's organizations, caused by the peculiarities of their economic and political situation.<sup>17</sup>

In early Soviet historiography, *feminism* was defined as a bourgeois movement in which women sought an independent struggle for equality with men while preserving the capitalist system. In late Soviet times, this movement was considered anti-masculine and uncharacteristic of Russia.<sup>18</sup>

According to A. Temkina, feminism manifested itself in Russia in the late 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century only in the work of mutual aid societies, in charity, and in educational activities. The struggle for suffrage and women's activity in social-democratic work as forms of the women's movement appeared in it in 1905–18.<sup>19</sup>

In her publications, V. Uspenskaya refers to the women's movement in Russia as *suffragism* or *feminist movement*. *Feministki* [feminists] and *ravnopravki* [female fighters for equal rights with men] are used in her works as synonyms and denote the women who initially fought for access to higher education and professional labor and asserted their political rights later.<sup>20</sup>

The first post-Soviet works considered the women's movement as a way for confrontation between women represented by women's organizations and the authorities, and the women's organizations were seen as the organizational structure of the movement.<sup>21</sup> The term *women's movement* was used in a broad sense. Not only did it cover the activities of feminist organizations that consciously worked to change the traditional culture of Russian society, but it also referred to the women's

---

<sup>17</sup> Cited in Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 35.

<sup>18</sup> See A.M. Kollontai, *The Social Basis of the Woman Question* [in Russian] (St Petersburg: Znanie, 1909); S.N. Serditova, "Struggle of the Communist Party for the Involvement of Working-Class Women in the Revolutionary Movement (1903 – February 1917)" [in Russian] (PhD thesis, Moscow State University, 1954); S.N. Serditova, *Bolsheviks in the Struggle for the Female Proletarian Masses (1903 – February 1917)* [in Russian] (Moscow: Gospolitizdat, 1959); G.A. Tishkin, *The Woman Question in Russia: 1950s–1960s* [in Russian] (Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1984); G.A. Tishkin, "The Woman Question in the History of Russia" [in Russian], in *Feminism and Russian Culture*, ed. G.A. Tishkin (St Petersburg: Mezhdunarodnyi institut "Zhenshchina i upravlenie", Peterburgskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury, 1995), 138–64; Cited in Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 37.

<sup>19</sup> Temkina, "Women's Movement as a Social Movement," 45.

<sup>20</sup> V.I. Uspenskaya, "Suffragism in the History of the Feminist Movement" [in Russian], in *Gender Reconstruction of Political Systems*, comp. N.M. Stepanov, and E.V. Kochkina (St Petersburg: Aleteiya, 2004), 80–81.

<sup>21</sup> Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 37.

organizations that fulfilled the possibilities of women within the framework of traditional culture.<sup>22</sup>

With the adoption of the term *women's movement*, a new methodology aimed at the study of social movements began to spread in modern historiography. From this perspective, the women's movement is analyzed as a conflict interaction between the authorities and representatives of social groups, and the structures and mechanisms of this interaction are also being studied.<sup>23</sup> E. Zdravomyslova addressed the theoretical problems of studying social movements in Western sociology. In the framework of the theories of collective behavior and mass society formulated by E. Fromm, A.W. Kornhauser, H. Blumer, S. Lipset and other researchers, she considers social movements as one of the types of collective behavior. The theory of resource mobilization assumes the study of the movement as a specific type of organization with internal and external factors and resources of development. In the conclusion of the article, E. Zdravomyslova notes that only an aggregate of models for describing movements can give a complete picture of the reasons for their development, mechanisms of formation, and results of their activities in the socio-cultural context of society.<sup>24</sup>

A. Temkina also adheres to three paradigms in the sociology of social movements (collective action, mobilization of resources, and new social movements). The researcher uses this approach when studying the second wave of the women's movement. Each of the theories gives its own definition of the women's movement. On the one hand, interpretations reduce the movement to a new autonomous activity. On the other hand, this concept includes a wide range of women's activities in parties, trade unions, public institutions, or other social movements. The women's movement includes activities that are feminist in nature, while being autonomous and independent of political and gender-mixed organizations. At the same time, according to this researcher, the women's movement can include

various historical and contemporary manifestations of women's activism, social needs, and efforts in the field of feminism and politics affecting women. The study of the women's movement would then include a variety of organizations

---

<sup>22</sup> Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 9.

<sup>23</sup> Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 13.

<sup>24</sup> E.A. Zdravomyslova, "Sociological Approaches to the Analysis of Social Movements" [in Russian], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7 (1990): 88, 91, 93.

and networks, such as women's trade unions, women's political organizations within and outside political parties, charities, and religious organizations.<sup>25</sup>

In her work “Women's Movement as a Social Movement: History and Theory,” A. Temkina expands the chronology and geography of the study. Her field of interest includes the women's movement of the first and second waves in the United States and European countries, including Russia. The emphasis is primarily placed on the analysis of the Western women's movement of the second wave.<sup>26</sup>

In relation to the women's movement in Russia, sociological theories of the social movement were used by I. Yukina. The theory of collective action, or resource mobilization, addresses organization by collective action. In this interpretation, the women's movement becomes the norm of the social life of society and the driving force of progress. The approach of social movements, or identity, focuses on the search and acquisition by movement participants of new identities that focus on new values. I. Yukina uses all three approaches, arguing for the principle of complementarity of various scientific paradigms, which provide a more complex and complete picture of the historical phenomenon in question as a result.<sup>27</sup>

Despite the circulation of various terms defining women's social activities in the literature in the late 1900s – early 2000s, the concept *women's movement* became firmly established in Russian historiography. It can be seen as an activity independent of any political organization or as various historical manifestations of women's activism. However, almost all authors ultimately identify *women's movement* as the struggle of women for their rights in all spheres of society.<sup>28</sup> The women's movement is therefore acquiring a political and institutional character. However, the very concept of *women's movement* and the existing methodology for studying social movements do not allow us to comprehend the diversity of forms of social processes and real feminist strategies of the late imperial period, which, in turn, does not facilitate the work of researchers in the field of classifying specific historical figures of the women's movement of the second half of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century.

---

<sup>25</sup> Cited in A.A. Temkina, “Women's Movement of the Second Wave: Origins, Conceptualization and Results” [in Russian], in *Introduction to Gender Studies*, pt. 1, *A Textbook*, ed. I.A. Zherebkina (Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteiya, 2001), 664, 671.

<sup>26</sup> Temkina, “Women's Movement as a Social Movement,” 41–76.

<sup>27</sup> Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 14, 24.

<sup>28</sup> A.V. Petrov, and Yu.V. Kokoreva, “The Emergence of the Women's Social and Political Movement in Russia and Its Role in the Establishment of Women's Legal Status in the Pre-revolutionary Period” [in Russian], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 3 (2008): 213.

At the same time, the concept of *new women/new type of women/women of new type* is returning to historiography.<sup>29</sup> As noted by I. Yukina, that is how the women of the 1860s (who began their activities in the 1860s) called themselves. In their case, *the new woman* is a woman who left prejudice, adopted the advanced ideas of her time, and began to defend her human dignity and independently arrange her personal life.<sup>30</sup> At the same time, I. Yukina gives the following definition of *the new woman*: an independent, educated woman focused on activities in the public sphere.<sup>31</sup> The article by T. Kotlova, A. Dobrynina, and I. Yakovleva addresses the socio-historical conditions for the formation of a new type of women. Researchers conclude that the latter were characterized by such value orientations as education, professional work, and social activities.<sup>32</sup> According to E. Men'shikova and M. Semenov, the term *woman of new type* includes politicized, legal, and psychological characteristics and reflects the process of changing a woman's self-awareness on the path to freedom of creative realization in various spheres of society.<sup>33</sup>

In our opinion, the most suitable term for defining women of the second half of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century is the term *the new woman* (i.e. a woman focused on social activities in the public sphere). The women's movement should be considered more broadly, as *women's social activism*, bringing to the fore, when analyzing this period, the methodology of private and social/public sphere.

The transformation of the public sphere was described by the German philosopher Jurgen Habermas on the example of European countries in the Modern Period. According to the author, the essence of the process was that with the increase in private interests, citizens moved into a new quality, turning from counterparty to the government into its full-fledged partner/opponent, who began to take active actions

---

<sup>29</sup> I.I. Yukina, "The 'New' Women: Motives for Participation in the Women's Movement" [in Russian], in *Russian Women and European Culture: Proceedings of the 5<sup>th</sup> Conference Dedicated to the Theory and History of the Women's Movement (St Petersburg, December 13–15, 2001)*, ed. G.A. Tishkin (St Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001), 118–26; A.M. Dobrynina, T.B. Kotlova, and I.I. Yakovleva, "A Value-based Approach in Specific Historical Research (on the Issue of the Formation of a New Type of Woman in Russia at the Turn of the 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> Century)" [in Russian], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1–2 (2005): 11–25; E.N. Men'shikova, and M.Yu. Semenov, "Construction of a Representative Image of the Woman of 'New Type' of the Late 19<sup>th</sup> – Early 20<sup>th</sup> Century" [in Russian], *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, no. 2 (2014): 117–31.

<sup>30</sup> Cited in Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 128.

<sup>31</sup> Yukina, "The 'New' Women," 118.

<sup>32</sup> Dobrynina, Kotlova, and Yakovleva, "A Value-based Approach," 25.

<sup>33</sup> Men'shikova, and Semenov, "Construction of a Representative Image of the Woman of 'New Type'," 122.

and thus became a political subject. In her theory, Hannah Arendt uses the concept of public space to denote the political sphere of public activity.<sup>34</sup>

The model of the bourgeois public sphere implied a strict division of space into social/public and private space. The public sphere was an arena of public debate and discussion and included a variety of formal and informal venues. From J. Habermas' point of view, during public debates in the public sphere, issues of common interest were discussed and opinions necessary for an effective democratic process were formulated. At the same time, the public sphere was formed by excluding certain social groups, such as women, ethnic minorities, and people who did not own any property. In essence, the public sphere was limited, but the existence of this concept allowed representatives of the middle class to perceive themselves and their role as an expression of the universal.<sup>35</sup> Initially, the public sphere took literary form in the broadest sense of the word.<sup>36</sup> A. Tumanova notes that until the First Russian Revolution, the public sphere in the Russian Empire consisted primarily of non-political institutions: circles and clubs of interests, books and the press, private societies and public opinion, zemstvo and city governments.<sup>37</sup> Subsequently, the public sphere crossed the boundaries of the reading (including female) public and took on new political functions.

A small patriarchal family was the core of the private sphere of bourgeois society.<sup>38</sup> Starting with the ancient Greeks, a classical understanding of the private space in the form of a household began to develop. Women belonged to the private sphere at all times, and that already deprived them of the opportunity to participate in political life. At the same time, the exclusion of women from the public sphere was justified by the fact that due to natural reasons, they were allegedly simply unable to cross the boundaries of the private sphere. Having accepted Carol Hanisch's slogan

---

<sup>34</sup> J. Habermas, *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* (Cambridge, MA: MIT Press, 1989), 27–73; H. Arendt, *The Human Condition* [in Russian], trans. V.V. Bibikhin (St Petersburg: Aleteiya, 2000), 65–76.

<sup>35</sup> A. Giddens, and P. Sutton, *Essential Concepts in Sociology* [in Russian], trans. E. Rozhdestvenskaya, and S. Gavrilenko (Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2018), 237–39.

<sup>36</sup> J. Habermas, *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* [in Russian], trans. V.V. Ivanov (Moscow: Ves' mir, 2016), 80.

<sup>37</sup> A.S. Tumanova, "Public Space in Russia in 1906–1916: Directions of Evolution and Forms of Communication" [in Russian], in *The Russian Empire in the Period between Reforms and Revolutions, 1906–1916*, ed. A.I. Miller, and K.A. Solov'ev (Moscow: Kvadriga, 2021), 203–04.

<sup>38</sup> Habermas, *The Structural Transformation of the Public Sphere*, 16.



“The personal is political,” feminists brought the problem of interaction between the public and private spheres to the fore.<sup>39</sup>

In the mid-20<sup>th</sup> century, the concept *politics* was interpreted by radical feminists extremely broadly – as any actions aimed at transforming traditional society.<sup>40</sup> Consequently, women's social activity can be considered as a political act in the public sphere, since it goes beyond the existing patriarchal institutions and practices, overcoming the stereotypes of traditional society.

The external manifestations of internal changes were the behavior and clothes of new women, which they chose for entering the public sphere and through which they wanted to convey information about their views. To analyze the new type of behavior, one should refer to the concept of gender display, which was formulated by Erving Goffman.<sup>41</sup> Dictionary of Gender Terms says that gender display is a variant of identity display, a socially determined variety of manifestations of gender at the level of interpersonal communication; the main mechanism of gender construction in the process of face-to-face interaction. Gender display can be transmitted through socially stable bodily manifestations, symbolism, style and content of communication.<sup>42</sup> Gender attribution (clothing, hairstyle, jewelry and body movements) of new women is described by M. Rabzhaeva.<sup>43</sup> She notes the “deliberate simplification” of the women's clothing and hairstyles, which were intended to correspond to the image of a working person. Without directly referring to E. Goffman's theory, a number of authors also draw their attention to the appearance of a new type of woman.<sup>44</sup> Using the example of participants in the

---

<sup>39</sup> I. Chikalova, “Range of Gender Problems in Political Sciences” [in Russian], in *Introduction to Gender Studies*, pt. 1, *A Textbook*, ed. I.A. Zhrebkina (Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteiya, 2001), 83–84, 86–87.

<sup>40</sup> Cited in Chikalova, “Range of Gender Problems in Political Sciences,” 89–90.

<sup>41</sup> E. Goffman, “Gender Advertisements” [in Russian], in *Introduction to Gender Studies*, pt. 2, *A Reader*, ed. S.V. Zhrebkin (Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteiya, 2001), 311, 330.

<sup>42</sup> E.A. Zdravomyslova, and A.A. Temkina, “Gender Display” [in Russian], in *Dictionary of Gender Terms*, accessed March 12, 2023, <http://www.owl.ru/gender/046.htm?ysclid=lpayyf8kak117929770>

<sup>43</sup> M.V. Rabzhaeva, “Women's Emancipation in Russia: Experiments in Gender Construction” [in Russian], in *Russian Women and European Culture: Proceedings of the 5<sup>th</sup> Conference Dedicated to the Theory and History of the Women's Movement (St Petersburg, December 13–15, 2001)*, ed. G.A. Tishkin (St Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001), 26–29.

<sup>44</sup> See, e.g., Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 139; A.Yu. Fedotova, “The ‘New Women’ in Kazan Governorate at the Turn of the 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> Century” [in Russian], in A.A. Bakov, S.I. Glushkova, O.P. Elantseva, et al., *Woman and the State. Historical Political and Socio-Legal Dimensions of Relations (A Problem-Based Approach)* (Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022), 221.

Narodnik movement, T. Saburova and B. Eklof studied the female appearance, methods of self-presentation, and the male view on female appearance, devoting an entire chapter to these issues in their monograph *Druzhba, sem'ya, revolyutsiya. Nikolai Charushin i pokolenie narodnikov 1870-kh godov* [Friendship, family, revolution. Nikolai Charushin and the generation of the 1870s' Narodniks]. The authors write:

Symbolically, through their attire, women demonstrated their right to choose their appearance (dress, hairstyle, shoes, glasses), making clothing one of the means of fighting for equality. A change of attire was one of the manifestations of emancipation, an opportunity to express one's beliefs, but also meant a change in lifestyle (luxurious outfits would look out of place in a university classroom and would be completely inconvenient for working in laboratories or clinics).<sup>45</sup>

### Conclusion

Thus, we can conclude that the conceptual framework at this stage of the development of historiography of the women's movement cannot be considered fully established. The search for the most adequate terminological and methodological tools to analyze the problem of women's social activism in the second half of the 19<sup>th</sup> and early 20<sup>th</sup> century still continues. The introduction of the concept *women's public activism* and the expansion of methodological tools through the use of the concept of personal/private and public spheres and gender display will help to fill the gaps in regional and all-Russian women's history and enrich it with new names. When studying women of the post-reform period, researchers will focus not only on women and women's organizations that fought for equal rights in the second half of the 19<sup>th</sup> century and for political rights in the early 20<sup>th</sup> century and formed the core of the so-called women's movement, not only on *radikalki* [female radicals], *narodnitsi* [female Narodniks] and female participants of workers' socialist movement later. They will also focus on all other women who came from the private sphere into the public space by overcoming gender stereotypes of the traditional society of the Russian empire. They realized themselves through new social practices: obtaining higher education, working in professional spheres previously considered as exclusively male (trustees of educational and charitable organizations, midwives and doctors, lawyers, translators, journalists, editors, publishers, librarians, etc.), charity (as individuals and as founders of charitable organizations, including ladies' committees), and entrepreneurship.

---

<sup>45</sup> T. Saburova, and B. Eklof, *Friendship, Family, Revolution. Nikolai Charushin and the Generation of the 1870s' Narodniks* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016), 88–89.

Of course, one should not discard the concept *women's movement*, which can still be used to describe one of the areas of women's social activism of that period while maintaining its political and legal coloring.

### Список литературы

*Айвазова С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). Москва: РИК Русанова, 1998. 405 с.

*Арендт Х.* Vita Activa, или О деятельной жизни / перевод с немецкого и английского В.В. Библихина. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 437 с.; Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.

*Гидденс Э., Самтон Ф.* Основные понятия в социологии / перевод с английского Е. Рождественской, С. Гавриленко. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 336 с.

*Гофман И.* Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. Ч. II: Хрестоматия / под редакцией С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 306–335.

*Добрынина А.М., Котлова Т.Б., Яковлева И.И.* Ценностный подход в конкретно-исторических исследованиях (к вопросу о формировании нового типа женщины в России на рубеже XIX–XX веков) // Женщина в российском обществе. 2005. № 1–2. С. 11–25.

*Здравомыслова Е.А.* Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 88–94.

*Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Гендерный дисплей // Словарь гендерных терминов. URL: <http://www.owl.ru/gender/046.htm?ysclid=lpayyf8kak117929770> (дата обращения: 12.03.2023).

*Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. Санкт-Петербург: Знание, 1909. 431 с.

*Меньшикова Е.Н., Семенов М.Ю.* Конструирование репрезентативного образа женщины «нового типа» конца XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2. С. 117–131.

*Петров А.В., Кокорева Ю.В.* Возникновение женского общественно-политического движения в России и его роль в становлении правового статуса женщин в дореволюционный период // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 213–219.

*Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / перевод с немецкого Ю.П. Шаттона. Москва: РГГУ, 2005. 444 с.

*Пушкарёва Н.Л.* «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801–1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 52–66.

*Пушкарёва Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. Санкт-Петербург: Алетейя, Женский проект СПб, 2007. 496 с.

*Пушкарёва Н.Л., Пушкарёва И.М.* Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 17–27.

*Пушкарёва Н.Л.* Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. Москва: Ладомир, 2002. 526 с.

*Рабжаева М.В.* Женская эмансипация в России: эксперименты по гендерному конструированию // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2001 г.) / составитель Г.А. Тишкин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 26–29.

*Сабурова Т., Эклоф Б.* Дружба, семья, революция. Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

*Сердитова С.Н.* Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 г. – февраль 1917 г.). Москва: Госполитиздат, 1959. 135 с.

*Сердитова С.Н.* Борьба коммунистической партии за вовлечение работниц в революционное движение (1903 г. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет, 1954. 15 с.

*Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / перевод с английского И.А. Школьникова, О.В. Шныровой. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 616 с.

*Темкина А.А.* Женское движение второй волны: истоки, концептуализация и результаты // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. Ч. 1. Учебное пособие / под редакцией И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетей, 2001. С. 664–695.

*Темкина А.А.* Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерная реконструкция политических систем / составители Н.М. Степанов, Е.В. Кочкина. Санкт-Петербург: Алетей, 2004. С. 41–76.

*Тишкин Г.А.* Женский вопрос в истории России // Феминизм и российская культура / под редакцией Г.А. Тишкина. Санкт-Петербург: Международный институт «Женщина и управление», Петербургская государственная академия культуры, 1995. С. 138–164.

*Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России: 50–60-е годы XIX века. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1984. 239 с.

*Туманова А.С.* Публичное пространство России в 1906–1916 гг.: направления эволюции и формы коммуникации // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / под редакцией А.И. Миллера, К.А. Соловьева. Москва: Квадрига, 2021. С. 203–236.

*Успенская В.И.* Суфражизм в истории феминистского движения // Гендерная реконструкция политических систем / составители Н.М. Степанова, Е.В. Кочкина. Санкт-Петербург: Алетей, 2004. С. 76–85.

*Федотова А.Ю.* Женщина «нового типа» в Казанской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Баков А.А., Глушкова С.И., Еланцева О.П. и др. Женщина и государство. Историко-политические и социально-правовые измерения взаимоотношений (проблемный подход). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 217–230.

*Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / перевод с немецкого В.В. Иванова. Москва: Весь мир, 2016. 344 с.

*Хасбулатова О.А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново: Ивановский государственный университет, 1994. 135 с.

*Чикалова И.* Гендерная проблематика в политических науках // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. Ч. 1: Учебное пособие / под редакцией И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетей, 2001. С. 80–106.

Юкина И.И. «Новые» женщины: мотивы участия в женском движении // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2001 г.) / составитель Г.А. Тишкин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 118–126.

Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург: Алетея, 2007. 544 с.

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. 301 p.

### References

Aivazova, S.G. *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviya (Ocherki politicheskoi teorii i istorii)* [Russian women in the labyrinth of equality (Essays on political theory and history)]. Moscow: RIK Rusanova, 1998. (In Russian)

Arendt, H. *Vita Activa, ili O deyatel'noi zhizni* [The Human Condition], translated from German and English by V.V. Bibikhin. St Petersburg: Aleteiya, 2000; Moscow: Ad Marginem Press, 2017. (In Russian)

Chikalova, I. “Gendernaya problematika v politicheskikh naukakh” [Range of gender problems in political sciences]. In *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies], 2 pts. Pt. 1: *Uchebnoe posobie* [A textbook], edited by I.A. Zherebkina, 80–106. Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteiya, 2001. (In Russian)

Dobrynina, A.M., T.B. Kotlova, and I.I. Yakovleva. “Tsennostnyi podkhod v konkretno-istoricheskikh issledovaniyakh (k voprosu o formirovanii novogo tipa zhenshchiny v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov)” [A value-based approach in specific historical research (on the issue of the formation of a new type of woman in Russia at the turn of the 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> century)]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1–2 (2005): 11–25. (In Russian)

Fedotova, A.Yu. “Zhenshchina ‘novogo tipa’ v Kazanskoi gubernii na rubezhe XIX–XX vv.” [The “new women” in Kazan Governorate at the turn of the 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> century]. In A.A. Bakov, S.I. Glushkova, O.P. Elantseva, et al. *Zhenshchina i gosudarstvo. Istoriko-politicheskie i sotsial'no-pravovye izmereniya vzaimootnoshenii (problemnyi podkhod)* [Woman and the state. Historical political and socio-legal dimensions of relations (a problem-based approach)], 217–30. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022. (In Russian)

Giddens, A., and Ph. Sutton. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii* [Essential concepts in sociology], translated from English by E. Rozhdestvenskaya, and S. Gavrilenko. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2018. (In Russian)

Goffman, E. “Gendernyi displei” [Gender advertisements]. In *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies], 2 pts. Pt. 2: *Khrestomatiya* [A reader], edited by S.V. Zherebkin, 306–35. Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteiya, 2001. (In Russian)

Habermas, J. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery. Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society], translated from German by V.V. Ivanov. Moscow: Ves' mir, 2016. (In Russian)

Habermas, J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

Khasbulatova, O.A. *Opyt i traditsii zhenskogo dvizheniya v Rossii (1860–1917)* [Experience and traditions of the women's movement in Russia (1860–1917)]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 1994. (In Russian)

Kollontai, A.M. *Sotsial'nye osnovy zhenskogo voprosa* [The social basis of the woman question]. St Petersburg: Znanie, 1909. (In Russian)

Men'shikova, E.N., and M.Yu. Semenov. “Konstruirovaniye reprezentativnogo obraza zhenshchiny ‘novogo tipa’ kontsa XIX – nachala XX veka” [Construction of a representative image of the woman of “new type” of the late 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, no. 2 (2014): 117–31. (In Russian)

Petrov, A.V., and Yu.V. Kokoreva. “Vozniknoveniye zhenskogo obshchestvenno-politicheskogo dvizheniya v Rossii i ego rol' v stanovlenii pravovogo statusa zhenshchin v dorevolyutsionnyi period” [The emergence of the women's social and political movement in Russia and its role in the establishment of women's legal status in the pre-revolutionary period]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 3 (2008): 213–19.

Pietrow-Ennker, B. “*Novye lyudi*” *Rossii. Razvitie zhenskogo dvizheniya ot istokov do Oktyabr'skoi revolyutsii* [Russia's “New People”. Development of the women's movement from its origins to the October Revolution], translated from German by Yu.P. Shatton. Moscow: RGGU, 2005. (In Russian)

Pushkareva, N.L. “‘Derzkie i bespokoinye’ (‘Zhenskaya istoriya’ Rossii 1801–1905 gg.: formy sotsial'noi aktivnosti)” [The ‘daring and agitated’ (the ‘women's history’ of Russia in 1801–1905: the forms of social activity)]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 6 (2002): 52–66. (In Russian)

Pushkareva, N.L. *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. St Petersburg: Aleteiya, Zhenskii proekt SPb, 2007. (In Russian)

Pushkareva, N.L. *Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost': Istoriya izucheniya “zhenskoi temy” russkoi i zarubezhnoi naukoj. 1800–2000: Materialy k bibliografii* [The Russian woman: history and modernity: A history of the study of the “woman's question” in Russian and foreign scholarship. 1800–2000: Materials for a bibliography]. Moscow: Ladomir, 2002. (In Russian)

Pushkareva, N.L., and I.M. Pushkareva. “Dva veka zhenskogo dvizheniya v Rossii i ego sovremennoe sostoyaniye” [Two centuries of women's movement in Russia and its current state]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2 (2021): 17–27. (In Russian)

Rabzhaeva, M.V. “Zhenskaya emansipatsiya v Rossii: eksperimenty po gendernomu konstruirovaniyu” [Women's emancipation in Russia: experiments in gender construction]. In *Rossiiskie zhenshchiny i evropeiskaya kul'tura: Materialy V konferentsii, posvyashchennoi teorii i istorii zhenskogo dvizheniya (Sankt-Peterburg, 13–15 dekabrya 2001 g.)* [Russian women and European culture: Proceedings of the 5<sup>th</sup> conference dedicated to the theory and history of the women's movement (St Petersburg, December 13–15, 2001)], edited by G.A. Tishkin, 26–29. St Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. (In Russian)

Saburova, T., and B. Eklof. *Druzhba, sem'ya, revolyutsiya. Nikolai Charushin i pokolenie narodnikov 1870-kh godov* [Friendship, family, revolution. Nikolai Charushin and the generation of the 1870s' Narodniks]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. (In Russian)

Serditova, S.N. *Bol'sheviki v bor'be za zhenskie proletarskie massy (1903 g. – fevral' 1917 g.)* [Bolsheviks in the struggle for the female proletarian masses (1903 – February 1917)]. Moscow: Gospolitizdat, 1959. (In Russian)

Serditova, S.N. “Bor'ba kommunisticheskoi partii za vovlecheniye rabotnits v revolyutsionnoye dvizheniye (1903 g. – fevral' 1917 g.)” [Struggle of the Communist Party for the involvement of

working-class women in the revolutionary movement (1903 – February 1917)]. PhD thesis. Moscow State University, 1954. (In Russian)

Stites, R. *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nihilizm i bol'shevizm, 1860–1930* [The women's liberation movement in Russia: feminism, nihilism, and bolshevism, 1860–1930], translated from English by I.A. Shkol'nikov, and O.V. Shnyrova. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004. (In Russian)

Temkina, A.A. “Zhenskoe dvizhenie kak obshchestvennoe dvizhenie: istoriya i teoriya” [Women's movement as a social movement: history and theory]. In *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political systems], compiled by N.M. Stepanov, and E.V. Kochkina, 41–76. St Petersburg: Aleteiya, 2004. (In Russian)

Temkina, A.A. “Zhenskoe dvizhenie vtoroi volny: istoki, kontseptualizatsiya i rezul'taty” [Women's movement of the second wave: origins, conceptualization and results]. In *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies], 2 pts. Pt. 1: *Uchebnoe posobie* [A textbook], edited by I.A. Zhrebkina, 664–95. Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteiya, 2001. (In Russian)

Tishkin, G.A. “Zhenskii vopros v istorii Rossii” [The woman question in the history of Russia]. In *Feminizm i rossiiskaya kul'tura* [Feminism and Russian culture], edited by G.A. Tishkin, 138–64. St Petersburg: Mezhdunarodnyi institut “Zhenshchina i upravlenie”; Peterburgskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury, 1995. (In Russian)

Tishkin, G.A. *Zhenskii vopros v Rossii: 50–60-e gody XIX veka* [The woman question in Russia: 1950s–1960s]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1984. (In Russian)

Tumanova, A.S. “Publichnoe prostranstvo Rossii v 1906–1916 gg.: napravleniya evolyutsii i formy kommunikatsii” [Public space in Russia in 1906–1916: directions of evolution and forms of communication]. In *Rossiiskaya imperiya mezhdru reformami i revolyutsiyami, 1906–1916* [The Russian Empire in the period between reforms and revolutions, 1906–1916], edited by A.I. Miller, and K.A. Solov'ev, 203–36. Moscow: Kvadriga, 2021. (In Russian)

Uspenskaya, V.I. “Sufrazhizm v istorii feministского dvizheniya” [Suffragism in the history of the feminist movement]. In *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political systems], compiled by N.M. Stepanov, and E.V. Kochkina, 76–85. St Petersburg: Aleteiya, 2004. (In Russian)

Yukina, I.I. “‘Novye’ zhenshchiny: motivy uchastiya v zhenskom dvizhenii” [The ‘new’ women: motives for participation in the women's movement]. In *Rossiiskie zhenshchiny i evropeiskaya kul'tura: Materialy V konferentsii, posvyashchennoi teorii i istorii zhenskogo dvizheniya (Sankt-Peterburg, 13–15 dekabrya 2001 g.)* [Russian women and European culture: Proceedings of the 5<sup>th</sup> conference dedicated to the theory and history of the women's movement (St Petersburg, December 13–15, 2001)], edited by G.A. Tishkin, 118–26. St Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. (In Russian)

Yukina, I.I. *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity]. St Petersburg: Aleteiya, 2007. (In Russian)

Zdravomyslova, E.A. “Sotsiologicheskie podkhody k analizu obshchestvennykh dvizhenii” [Sociological approaches to the analysis of social movements]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7 (1990): 88–94. (In Russian)

Zdravomyslova, E.A., and A.A. Temkina. “Gendernyi displei” [Gender display]. In *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of gender terms]. Accessed March 12, 2023. <http://www.owl.ru/gender/046.htm?ysclid=lpayyf8kak117929770> (In Russian)

### **Информация об авторе**

**Анастасия Юрьевна Федотова** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения, Высшая школа международных отношений и мировой истории, Институт международных отношений, <https://orcid.org/0000-0001-7115-7660>, [stasi7886@mail.ru](mailto:stasi7886@mail.ru), Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 18, ул. Кремлевская, 420018 Казань, Россия).

### **Information about the author**

**Anastasiya Yu. Fedotova** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of National History and Archival Studies, Higher School of International Relations and World History, Institute of International Relations, <https://orcid.org/0000-0001-7115-7660>, [stasi7886@mail.ru](mailto:stasi7886@mail.ru), Kazan Federal University (18, ul. Kremlevskaya, 420018 Kazan, Russia).

---

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 18.04.2023; принята к публикации 03.05.2023.

The article was submitted 15.03.2023; approved after reviewing 18.04.2023; accepted for publication 03.05.2023.